

18+

Марк Рабинович

**Перпендикулярное
время**

Марк Рабинович

Перпендикулярное время

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48564270

ISBN 9785005071828

Аннотация

Это полумистический рассказ о том, как мечта превращается в реальность. Его действие происходит одновременно в Израиле и в Ленинграде, и сейчас, и много лет назад, в нашей реальности и в параллельной, а объединяет все эти пространства и времена таинственная Л-энергия, которая то ли действительно существует, то ли выдумана автором как аллегория любви. Все вертится вокруг впавшего в кому мужа героини, который в бреду повторяет незнакомое имя и удивительно знакомый адрес.

Содержание

Ася	5
Михаил	16
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Перпендикулярное время

Марк Рабинович

© Марк Рабинович, 2025

ISBN 978-5-0050-7182-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ася

Есть люди, не обладающие и толикой терпения. Во время любой поездки они вертятся и суетятся в машине, чертыхаются и нервничают, как будто это может помочь. Такие люди всегда вызывали в ней лишь смех и легкое презрение. Но сейчас Ася смертельной ненавистью ненавидела светофоры. Ведь каждый из них считал необходимым зажечься красным именно тогда, когда ее такси подъезжало к перекрестку, а зеленый включался лишь тогда, когда дорога за светофором была запружена транспортом и таксист успокаивающе говорил:

– Не беспокойся, солнышко, скоро будем на месте.

На демократичном иврите это звучало не слишком фамильярно, а на русский она перестала мысленно переводить уже много лет назад. Но таксиста она тоже готова была убить за этот спокойный тон и за эти слова, которые она не допускала в свое сознание. В послеобеденное время въезд в город был забит машинами и она пожалела, что не села на скоростной автобус, вместо того чтобы схватить такси. У нее просто не хватило времени на планировку маршрута и выслушивание советов мудрых телефонных приложений, которые всегда не учитывают какой-нибудь грузовик, застрявший в самый неподходящий момент на единственном ведущем в город перекрестке.

Полчаса назад, когда ей позвонили из больницы, она не заплакала и не закатила истерику, а быстро и деловито начала собирать сумочку и все сидящие на совещании, хорошо знающие ее, поняли, что спрашивать ничего не надо а надо помочь или хотя бы не мешать. Все же когда босс предложил подвезти ее в город, она быстро отказалась, не забыв поблагодарить. К сожалению она знала по опыту, что прежде чем направиться на стоянку он будет долго и занудно раздавать распоряжения, потом его остановят в коридоре раз пять-шесть, потом еще что-нибудь... А у нее уже не было сил на ожидание. И она заказала по телефону такси, которое и пришло, к счастью, через считанные минуты. Зато теперь они с трудом продирались сквозь пробки и она ненавидела и светофоры и таксиста и пешеходов, которые так и норовили сигануть под их машину заставляя таксиста непрерывно давить на тормоз и виновато улыбаться.

Наконец, они прорвались сквозь центр и начали подниматься по серпантину. До больницы было уже совсем близко, как вдруг ее такси уткнулось в хвост очереди очень медленно двигающихся и от скуки непрерывно гудящих автомобилей. Там, выше по улице, кто-то то ли разгружал что-то, то ли, наоборот, грузил, и машины с трудом разъезжались на узкой проезжей части. Бросив стошкеллевую бумажку водителю, и выскочив из такси, она помчалась вверх по улице. В догонку ей неслось:

– Береги себя, солнышко!

Но она не ответила, сберегая дыхание. В больницу Ася ворвалась зацепив по дороге какого-то малыша, немедленного ударившегося в рев, и быстро проскочила рамку детектора, который яростно завопил, возмущившись содержимым ее сумки. Но охранник понимающе кивнул, нарушая тем самым все инструкции, и она понеслась дальше. Туповатая девица в справочной никак не могла найти нужную запись и ее тоже хотелось убить, поэтому она с трудом удерживала в себе гневные слова на трех языках. Наконец девица, неожиданно оказавшаяся умницей, сообщила ей не только отделение но и палату и она помчалась к лифтам, которые, разумеется, застряли на верхних этажах. Потом она задыхаясь бежала по мрачным коридорам, заканчивающимся то лестницей, то ведущей в очередной коридор дверью. Больница была старая, достраивалась и перестраивалась великое множество раз, несуразные корпуса соединялись самым непредсказуемым образом, и через три коридора и пару лестниц она уже не понимала на каком этаже находится. Но вот, наконец, она добралась до второго терапевтического отделения и, замедлив шаг, вошла в указанную ей палату.

Первым делом она бросилась к его кровати и схватила Мишкину руку, в запястье которой была воткнута игла капельницы. Рука была теплая и она немного успокоилась. Но его глаза было закрыты, а монитор показывал что-то совсем непонятное. Тут она заметила, что комната была почему-то полна не то врачей, не то медработников и все они

смотрели на нее. Она бросилась к пожилой женщине в самом чистом халате и начала задавать свои бестолковые вопросы, но врачиха бляяла что-то настолько невразумительное что это и на иврит-то не было похоже. Врачиху беззастенчиво оттер мужчина в зеленом и спросил:

– Госпожа Лисянски...?

Это была ее фамилия и она нервно кивнула. У мужчины было добрые глаза на выкате и огромный живот, который он гордо нес впереди себя раздвигая им коллег. Он посмотрел на монитор и объявил ровным, рокочущим голосом:

– Жизненные показатели в норме.

Тогда зачем же все это, подумала она. Зачем нужна игла в запястье? К чему эти непонятные цифры на мониторе? И почему так много врачей? Наверное все это было написано у нее на лице, и толстяк пояснил смущенно:

– Мы не знаем, что с ним. Он просто не с нами.

Как это не с нами, подумала она? Вот же он, я могу его видеть, могу держать за руку, могу... И тут Мишка зашевелился. Все бросились к нему и только она замерла и не шевелилась боясь спугнуть это робкое движение. Она лишь осторожно повернула к нему голову, но Мишкины глаза были по прежнему закрыты. Вдруг он тихо произнес, так и не открывая глаз:

– Соня Липшиц...

Какая еще Соня, подумала она? А он пожевал губами и прошептал:

– Маклина тридцать-сорок шесть...

И повторил:

– Маклина тридцать-сорок шесть, Соня Липшиц...

Ася изумленно посмотрела на толстяка и он многозначительно кивнул ей:

– Да, вот так каждые несколько минут...

И поймав ее недоуменный взгляд, пояснил:

– Каждые пять-десять минут он произносит эти слова.

Кстати, кто такая Соня Липшиц?

Она недоуменно пожала плечами – никакой Сони она не знала. Хорошо еще, что доктор не спросил про странный адрес. А ведь Ася хорошо знала этот адрес, не могла не знать – это был адрес той ленинградской коммуналки, в которой она родилась и в которой прожила долгие годы. Последние годы перед репатриацией они жили там вместе с Мишкой, так что старый адрес был ему хорошо знаком. Но почему Соня? Там же не было никакой Сони, и в их небольшой по ленинградским меркам квартире никогда не жили Липшицы. Правда, согласно квартирной легенде, в маленькой комнатухе без окон жил в послевоенные годы какой-то милиционер, но вряд ли он был Липшицом, да и никакую Соню легенда не упоминала. Потом милиционер исчез, а комнату предприимчивые послевоенные жильцы переделали в ванную, на зависть соседним коммуналкам. С тех пор прошли десятилетия и Ася не представляла, что творится сейчас в доме 30 по улице Маклина, которой

давно вернули ее прежнее название – Английский проспект. В свои нечастые приезды в Питер, она пару раз проходила мимо своего прежнего дома, но видела лишь перестроенный фасад и глухие чугунные ворота с домофоном на них. Сейчас же мысли путались от страха, одышки и усталости, но она упорно пыталась связать воедино таинственную Соню, полузабытый адрес и мужа, которого привезли сюда после того как он потерял сознание внизу на рынке. Однако собраться с мыслями ей не дали.

Внезапно в палату ворвались какие-то энергичные молодые люди и сразу началась невообразимая суета. Тащили таинственные приборы, протягивали странного вида кабели, подключали, переподключали, тут же что-то сожгли, и все это сопровождалось веселой руганью и шутками. Ася так и застыла с открытым ртом, но тут пришел кто-то начальственный, немедленно на всех наорал, и докторов с Асей вместе выгнали в коридор, а суета продолжалась без них. Потом веселые молодцы исчезли, исчезло и начальственное лицо, а вместо них материализовались двое странных типов. Первый оказался мужчиной неопределенного возраста со скуластым грубым лицом, как будто вырезанным ножом из дерева. Асе он напомнил деревянного солдата из книги про Урфина Джюса. Был он высок, строен и не просто мускулист, а то-ли болезненно накачан, то-ли так же болезненно натружен, но только его обнаженные руки, не прикрытые неопределенного цвета гавайкой, было просто обвиты

рельефно выступающими жилами. Жилистого сопровождало лицо мужского пола, представляющее собой его полную противоположность. Тело существа было округло, шарообразно и рыхло. На этом теле было водружено нечто напоминающее голову, снизу были приделаны такие же рыхлые ноги, имелись и пухлые руки, а вот талия напрочь отсутствовала. Эта пара антиподов попыталась войти в Мишкину палату, но не тут-то было. Оправившись, наконец, от шока, вызванного нашествием веселых молодцев, Ася сообразила, что Жилистый и Рыхлый по-видимому принадлежат к той же банде и храбро преградила им путь. Те без лишних слов поняли что без боя им прорваться к Мишке не удастся и, поколебавшись, распахнули перед ней дверь. В палате уже никого не было, кроме мужа. Теперь, после изгнания докторов, было видно как много здесь свободного места и Ася удивилась, зная о перенаселенности израильских больниц. В углу громоздилась гора аппаратуры, мигали индикаторы, бежали непонятные цифры, но к Мишке, как она немедленно с облегчением убедилась, ничего не подключили, оставив его во власти обычного больничного монитора.

Мрачно взглянув на Жилистого и Рыхлого, она, не дожидая пока они сядут, потребовала:

– Ну! Говорите!

Последовала немая сцена, в течении которой они нерешительно обменялись выразительными взглядами и, наконец, Рыхлый заговорил:

– Шалом и позвольте представиться госпожа Лисянски...

Прозвучали имена, а может и фамилии. но Ася их тут-же забыла, а эти двое так и остались для нее Жилистым и Рыхлым. Сами они тоже именами не пользовались. Жилистый звал напарника «Попай», что было по-видимому чем-то вроде дружеской кликухи, Рыхлый обращался к нему просто – «братан». Правда один раз Рыхлый назвал Жилистого «командиром», но тот так на него посмотрел, что Рыхлый осекся на полуслове и молчал минут пять, что было по-видимому для него подвигом. Название учреждения, которое они представляли, тоже не удержалось у нее в памяти, да и вряд ли они сказали ей правду. Из них двоих Рыхлый был чем-то вроде ученого, не то физиком, не то математиком, а может и тем и другим вместе. Жилистого Ася вначале посчитала «товарищем майором», но тот проявил качества, товарищам майорам недоступные: юмор и способность объяснять сложные вещи простыми словами. Последней способности напрочь был лишен Рыхлый и Ася зверела от его «торсионных полей», «горизонта событий» и прочей заумной муры. А объяснили они вот что...

Оказывается, как с грехом пополам поняла Ася, кроме нашего мира существует множество других миров, невидимых для нас. Не слишком данные нам в ощущениях, эти миры были «почти неосвязаемы», как выразился Жилистый после того как она напрочь запуталась в туманных объяснениях Рыхлого. Вот для обнаружения этого «почти» и служила за-

гадочная аппаратура в углу. История с невидимыми мирами была мутной, заумной и Асю ничуть не заинтересовала, а интересовало ее то как все это связано с ее мужем и его загадочным состоянием. Рыхлый пытался объяснить ей это, но запутался в терминологии, которую ему так и не удалось адаптировать к уровню Асиных знаний. Хотя она и получила инженерное образование, но в этих вопросах ее компетентность не возвышалась над уровнем плитуса, и Рыхлый, совершенно обессилив от ее тупости, махнул рукой и предоставил аудиторию Жилистому. Тогда Жилистый, насмешливо посмотрев на Рыхлого и глумливо воскликнув – «Браво, Попай!» – объяснил все ясно и понятно. Оказывается, теория иных миров была разработана Рыхлым и его командой на основе математических построений («информационных абстракций» по определению Рыхлого). Причем хитрая аппаратура в углу и подобная ей техника еще ни разу ничего не зафиксировала, на нее лишь возлагали определенные надежды, да и то не слишком. Да, приборы были бесполезны, но тут ребята из группы Рыхлого/Жилистого вспомнили про пророков. Оказалось что чуть ли не все известные пророки и предсказатели проявляли свой дар предвидения далеко не всегда, а только в определенные моменты и эти моменты подозрительно точно совпадали с математическими выкладками Рыхлого. Он даже попытался, прервав объяснения Жилистого, показать Асе какие-то графики и формулы на своем ноутбуке, упоминая при этом Нострадамуса, Воль-

фа Мессинга и Кассандру, дочь Приама, причем Кассандра, по ее мнению, в этом ряду была явно лишняя. Но тут Жилистый предостерегающе воскликнул – «Попай!» – после чего тот осекся на полуслове и захлопнул ноутбук, виновато взглянув на Асю. Из дальнейшего она поняла, что не только известные провидцы, но и обычные люди умудрялись знать то, что знать они никак не могли и эти события укладывались в ту же теорию. «В пределах статистической погрешности» по выражению бесцеремонно влезшего в разговор Рыхлого. Происходило это всегда по разному: медиум мог впасть в транс, в кому или просто мог заснуть и видеть сны, а мог и оказаться «не с нами» по меткому выражению толстого доктора. Одно только было известно более или менее точно – время «события» как называл его Жилистый. Такое «событие» по их мнению произошло и с ее мужем. Именно поэтому примчались молодцы с приборами и именно поэтому Мишка лежал сейчас в отдельной палате.

Все это ее интересовало, как карася интернет, волновал ее только Мишка. Насчет него эти двое клоунов не смогли сказать ей ничего определенного, лишь Жилистый осторожно заметил, что из своих медиумов они до сих пор не потеряли еще никого. Рыхлый попытался поправить его, уточнив: «почти никого», но Жилистый немедленно заверил Асю, что «Попай так шутит!». При этом он напирал на слово «так», показывая напарнику такого размера кулак, что тот стучивался и, казалось бы, даже уменьшился в объеме. Станови-

лось ясно, что надеяться надо не на них, а или на толстого доктора или на Всевышнего. В синагоге она последний раз была на Йом Кипур в позапрошлом году и поэтому решила поставить на доктора. И тут Мишка снова повторил:

– Маклина тридцать-сорок шесть, Соня Липшиц...

Михаил

Город протянулся вдоль моря с севера на юг. Некогда он был пристанищем магрибских евреев, низкооплачиваемых и презираемых членов новоиспеченного израильского общества. Но когда прежние парии незаметно стали чиновниками, инженерами и парламентариями, изменился и город. Районы трущоб, разбавленные немногочисленными безликими торговыми центрами, вдруг обнаружили себя окруженными престижными высотными домами. Город вначале робко, а потом и стремительно стал вытягиваться на юг, стремясь быть ближе к веселому и богатому Тель-Авиву. На южной окраине вырастали новые, красивые районы с высотками построенными по последним строительным стандартам: с квартирами без смежных стен, с большими остекленными балконами, с красивым холлом внизу и с подземной стоянкой. В некогда безжизненном центре встали многочисленные гостиницы, фонтаны, рестораны и все чаще слышалась иностранная речь. Город превратился в модный курорт и его уже начали называть «израильской ривьерой».

На северной же окраине время остановилось где-то сразу после Шестидневной Войны. Здесь не было подземных стоянок и остекленных балконов как не было и панорамных окон. В старых квартирках, построенных для семей, не способных позволить себе кондиционер, были в ходу маленькие,

подслеповатые оконца, призванные сберечь прохладу летом и тепло зимой. И здесь он жил на улице Диврей Хаим, жил уже второй десяток лет. Наверное лишь в этой, непрестижной части города, еще оставались немногочисленные малогабаритные квартиры с одной спальней и небольшим салоном-гостинной.

Маленький клочок города, ограниченный четырьмя улицами, не был огорожен заборами, но тем не менее представлял собой изолированный микрокосм. Здесь все знали всех, здесь покупали продукты в маленькой лавочке на углу, презирая огромные супермаркеты, здесь обсуждали все рождения, замужества и похороны. Его, с его русским акцентом и ашкеназских привычками, поначалу сторонились, но постепенно привыкли и даже стали угощать на Мимуну неизменными мофлетами, которые он терпеть не мог, но покорно ел, давясь жестким тестом. Ему было спокойно среди этих веселых, простых людей, которым, по большому счету не было до него никакого дела, как и ему до них. Их ненавязчивая приветливость, касалась его лишь слегка, поверхностно, не врвалась в его личное пространство, в отличии от въедливого искреннего интереса бывших ленинградских, киевских, бакинских и парижских интеллигентов, селившихся ближе к центру.

От его дома до моря было рукой подать и берег представлял собой прекрасный песчаный пляж, но к нему еще надо было спуститься с высокого и крутого обрыва обрамля-

ющего город с запада. С обрыва открывался изумительный вид на море, особенно на закате, когда набережную заполняли не только туристы, но и местные любители прекрасного. А вот для тех, кто хотел погрузиться в ласковые волны Средиземного моря, этот обрыв представлял собой одно лишь неудобство. Дальше, ближе к туристическому центру, городские власти построили широкие, красивые, хорошо освещенные лестницы и даже один лифт, а здесь к морю вилась узкая, осыпающаяся тропинка. Спускаться по тропинке было неудобно и даже опасно, зато по ней почти никто не ходил и это искупало для него все неудобства.

Если бы кто-нибудь спросил у него, любит ли он море, он ответил бы только недоуменным пожатием плечами. А почему бы им не спросить, любит ли он воздух, которым дышит? Море было для него чем-то неизменным, частью законов природы, как утренние рассветы и вечерние закаты. Поэтому оно не подлежало обсуждению. В Ленинграде, городе где он родился и вырос, тоже было море. Но это было совсем другое море, оно даже не было частью города и в городе было немало людей, никогда моря не видевших. Этот же город был невозможен без своего моря, хотя и в нем начали появляться районы, отделенные от моря автострадой, железной дорогой и промышленной зоной. Живущих там людей он не понимал и жалел.

Он любил плавать, и делал это даже зимой, когда выпадали солнечные дни и можно было согреться выскочив из хо-

лодной воды. Летом же он ходил по тропинке почти каждое утро перед работой, исключая то время, когда к их берегам приближались жгучие огромные медузы, чтобы произвести потомство. Потом, через пару недель, медузы исчезали и море снова его звало. Он никогда не заплывал слишком далеко. Море было опасно: оно звало в себя прозрачной волной и узорами песка на дне, а потом пыталось проглотить, забрать в себя коварными течениями, которые могли незаметно, но мощно уволочь к горизонту. Море не допускало шуток, но само любило подшутить и, порой, шутило жестоко. Берег на их участке был диким пляжем, спасателей там не было, и однажды он попался в ласковую западню.

Наверное его отнесло к югу береговым течением, потому что он хорошо знал свой участок пляжа, где не было в воде ни ям, ни опасных водоворотов. А сейчас он не мог доплыть до совсем недалекого берега. Ноги уже касались дна, но коварные волны раз за разом отбрасывали его вглубь, убирая из под ног ненадежный грунт и подсовывая новые и новые ямы. Руки начали уставать, а на берегу никого не было в этот прохладный день и некому было осторожно, боясь показаться смешным, крикнуть заветное: «Помогите!» Он даже подумал, что надо бы перестать бороться и начать глотать морскую воду. Тогда решатся все проблемы разом: не надо будет думать о не слишком чисто плотных интригах молодого ведущего инженера на работе, о еженедельной уборке квартиры, о налогах и о штрафах за парковку. Только мама расстроит-

ся, подумал он, но и она быстро утешится потому что у нее есть его успешный младший брат. У брата была красивая и ухоженная вилла в Нижней Галилее, с красивой и ухоженной женой и с красивой и ухоженной собакой. А самое главное – на вилле обитали три внука, его племянники, живущие там в дополнение к жене и собаке. Племянники не были ни ухоженными ни красивыми, а были они веселыми и расцарапанными о колючки разбойниками. Вот они-то и будут жалеть его больше всех, но они же первые и забудут, в силу своего все забывающего возраста. Поэтому можно было перестать бороться и подарить себя очередной грязно-зеленой волне, но ему совсем не хотелось глотать противную соленую воду и он продолжал барахтаться из последних сил, пока его наконец не вытащили серфингисты.

Эта история не напугала его и не вызвала водобоязни, он лишь стал еще более осторожен. Чтобы вволю поплавать, надо было всего лишь пройти полосу прибоя, который ревел, бросался пенный волнами, но был совсем не опасен. За полосой прибоя море было спокойней. Волна могла быть неторопливой, и тогда, какой бы высокой она не была, он мог легко проплывать между медленно поднимающимися и опускающимися стенами воды или подныривать под набегающий неспешный вал. Так было, когда бриз дул с берега, оставляя морскую гладь неспешно колыхаться. Это было хорошее море. Сегодня море было плохим, дул морской бриз, ломающий волны, которые могли наброситься вдруг с совершенно

неожиданной стороны. Поэтому он плавал недолго, неохотно отработывая ставший традиционным ритуал.

...На камне около его тропинки сидела женщина. Он прошел почти вплотную к ней, вначале не обращая внимания, как вдруг что-то заставило его остановиться. Женщина неподвижно смотрела на море, устремив взгляд в одну точку там среди волн. Ему даже показалось, что она чего-то ждет и он невольно посмотрел туда же. Но там не было ни перископа подводной лодки, ни ручного дельфина, а только все то же постоянное в своем безразличии море и все те же рваные волны. Тогда он взглянул на нее и задумался. Он полагал себя тугодумом, но только не тогда, когда это касалось знакомств с противоположным полом. Здесь, считал он, самое главное – это быстро принять правильное решение. Бывали и ошибки. Однажды, много лет назад он совершил такую ошибку. Было ему уже под сорок и надо было создавать семью. Почему надо было? Он и сам не совсем понимал, но уступил жалобам матери и подспудному страху одиночества. Затем последовал рассудочный брак с красивой и порядочной женщиной. Через два года он понял что расчеты хороши своей точностью, а вот ошибка в них подобна ошибкам при расчете баллистической траектории. И вот уже ракета летит в никуда, а то и поражает свои же позиции. Его позиции продержались четыре года и даже выдержали переезд в Израиль. Не сразу он понял что такое жизнь с совершенно чужим человеком. Были попытки уйти, были ссоры, были

и измены, и, наконец, все кончилось этой маленькой квартирой около моря и одиночеством. Потом у него были многочисленные женщины: молодые, не слишком молодые, и его ровесницы. С молодыми было просто: все начиналось легко, продолжалось быстро и заканчивалось ночью в его квартире. Девиц привлекал его отработанный годами шарм записного ловеласа и надежда на изощренный секс с опытным мужчиной. Следующим утром все обычно и заканчивалось к обоюдному удовлетворению. Разговаривать с девицами было не о чем да и незачем. Менее молодые женщины искали замужества и поэтому с ними было сложно. Те из них, кого не разочаровала маленькая квартира в непрестижном районе, все время выжидающе смотрели на него коровьими глазами поэтому разговаривать с ними тоже было не о чем. Расставаться с такой подругой было тяжело, болезненно и он таких женщин избегал. С дамами его возраста было проще так как они уже прожили значительную часть жизни и не собирались в ней ничего менять. Такие женщины не претендовали на многое, находясь в поисках либо развлечений либо отдушины от унылой повседневной рутины. Именно таких женщин он предпочитал и именно так выглядела на первый взгляд незнакомка на тропинке.

Пыльная тропинка под обрывом – не самое лучшее место для знакомства. Потом в течении многих дней и ночей он спрашивал себя, что заставило его тогда сбиться с шага, а потом и остановиться. Несомненно, это было ее лицо, но по-

чему? Удивительной бывает магия женских лиц для мужчины. Эти лица бывают красивые и не очень. По красивому лицу ты проводишь внимательным, но ненавязчивым взглядом, получая эстетическое наслаждение, сродни созерцанию яркой, эффектной картины в музее или породистой собаки на выставке. Потом оно немедленно забывается, не задерживаясь в избирательной памяти. Лицо же некрасивое мелькнет и исчезнет, не привлекая внимания и не требуя усилий. Но бывают и иные женские лица, редко, но бывают. Такое лицо сбивает с толку, заставляя споткнуться в растерянности. Такой женщине потом долго смотрят вслед и вспоминают еще день или два или три, а сердце при этом щемит, как будто что-то неизмеримо важное прошло и исчезло навсегда. Не подумайте, что это любовь! О, нет! Это всего лишь мечта о любви.

И вот он споткнулся и сбился с шага увидев ее лицо. Такое с ним бывало несколько раз заставляя потом мучительно думать о том, что могло бы случиться, но не сбылось. Как и раньше он мог оправиться, отвести взгляд, пройти мимо и укрыться там, в своем унылом одиночестве. Вместо этого он молча сел рядом с ней. Она не оторвала взгляд от моря и некоторое время они сидели молча. Потом она спросила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.